

СТАНОВЛЕНИЕ БАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ¹

В историографии истории культуры проблематика развлечений занимает важное место, т.к. они достаточно ярко демонстрируют специфику культурного развития определенных регионов и социальных групп. Однако исследователи не уделяют должного внимания такому социокультурному явлению как бал и его значению в жизни средневекового общества. Проблеме возникновения бальной культуры и посвящена эта статья.

В XII-XIII вв. у населения Западной Европы происходит изменение ментальных основ. Наряду с приверженностью догматическим положениям католической церкви у людей разных сословий появляется новый взгляд на мир и новая система ценностей. Французский историк Ж. Ле Гофф называет данное явление в жизни средневекового общества «всеобщей десакрализацией», выраженной в уменьшении значения символов и отступлении их перед воспринимаемой чувствами реальностью. В XII-XIV вв. «десакрализации» в значительной степени способствовали еретические движения, утрата папством былой роли в политической жизни Европы (несмотря на его усиление во внутрицерковной сфере), подъем городов, развитие торговли и ремесла, складывание городской культуры, а также возникновение идейного содержания ренессансной культуры – гуманизма, носившего светский, антиклерикальный характер [3, с. 106; 11, с. 329]. Наряду с этим, в XII в. происходит важное изменение – повышение социального статуса рыцарства, что привело к завершению его формирования как особого военно-аристократического сословия со своей этикой, идеологией, ритуалами и обычаями [13, с. 34].

Изменение социального статуса рыцарства не могло не повлиять на его ментальные установки. Дело в том, что в XII в. во французской рыцарской среде появляется феномен куртуазной любви² или культа прекрасной Дамы, на зарождение которого повлияло особое почитание Девы Марии, характерное для католичества. Что касается интерпретации этой формы взаимоотношений между женщиной и мужчиной, то интерес представляют

¹ Публикуется в авторской редакции.

² Современники называли ее «*fine amour*», т.е. «утонченная любовь». Французский историк-медиевист и филолог Г. Парис (1839-1903) назвал этот тип любовных отношений «куртуазным» («придворным», от старофранц. «*court*»—«двор») и этот термин закрепился в историографии [7, с. 90, 92].

две основные точки зрения, в соответствии с которыми куртуазная любовь имеет «феодалный» характер (т.е. напоминает отношения между сеньором и вассалом) или, напротив, является яркой формой бунта против морали феодального общества [11, с. 328; 7, с. 7]. По мнению А. Я. Гуревича, куртуазная любовь была фактором консолидации мелкого дворянства при дворах крупных феодалов и являлась значительным компонентом социального поведения рыцарства [4, с. 258]. Важным следствием развития куртуазной любви как социокультурного явления, которое вскоре приобрело статус нормы отношений между полами, стало повышение социального положения женщины к XVI в., что было связано с развитием жизни двора [6, с. 465, 467]. Более того, под влиянием воспитательного значения куртуазной любви, сформировался новый тип рыцаря, основными чертами поведения которого стали деликатность, галантность, образованность и другие составляющие хорошего тона и манер, объединенных под общим понятием куртуазность [7, с. 96; 13, с. 40].

На фоне происходивших изменений особое значение в общественной жизни средневекового общества приобретает праздник. Й. Хейзинга предлагает рассматривать светскую праздничную жизнь как элемент смягчения гнета реальности: чем заметнее был резкий контраст с убожеством повседневной жизни, тем праздник становится более необходимым, т.к. был призван подтвердить красоту жизни [15, с. 305-306]. В городской среде праздники объединяли людей всех званий, состояний и возрастов, разделенных в обыденной жизни иерархическими и корпоративными барьерами, т.е. праздники давали кратковременную возможность освобождения от строгой религиозной ортодоксии, сословной субординации, освященных условностей и запретов. В придворной среде праздник занимает особое место потому, что организуемое им праздничное пространство было рассчитано на отработку новых ментальных положений и устремлений, что и предопределило те функции, которые он выполнял. Кроме того, придворная праздничная атмосфера была неотъемлемой характеристикой символических церемоний, частью светского ритуала в жизни рыцарства, в котором по сравнению с сельскими общинными празднествами усиливаются эстетические моменты [13, с. 34-36; 5, с. 95, 151].

Одной из форм праздника является бал и маскарад. По самым ранним известным нам сведениям, в середине XIV в. балы и маскарады уже выступают в качестве устойчивых и активно функционирующих форм развлечений. Особой пышностью и великолепием славились балы при дворах французских, бургундских и итальянских представителей социальных верхов, где, видимо, они и появились. Например, такие балы проводились во

дворцах флорентийской знати и при дворе французского короля Карла V (1338-1380) [1, с. 31, 43; 14, с. 199; 15, с. 305; 16, с. 34]. Балы давались в честь знаменательных событий: дни рождения, свадьбы, коронации, визиты важных персон, заключение договоров, турниры и т.д. [8, с. 218]. Относительно происхождения слова «бал» существует несколько версий. Одна из них указывает на то, что бал имеет истоки в городской или придворной культуре, и обосновывается тем, что в Средние века распространился обычай соединять танцы с играми. Если танцы проходили на открытом пространстве, то по окончании их играли в мяч, отсюда, по мнению ряда исследователей, и производится слово «бал» («*derBall*», «*laballe*» – «мяч») [9, с. 258-259]. В свою очередь, Г. Дера, автор «Танцевального словаря», изданного в Париже в 1895 г., указывает на греческое происхождение слова бал, его наличие в старофранцузском языке («*baller*») и латинском («*ballare*») в Средние века, что означает «танцевать, скакать». Г. Дера при рассмотрении истоков бала делает акцент на его античное происхождение [16, с. 34]. На наш взгляд, это мнение может быть правомерным. Учитывая возникновение интереса к античному наследию у средневековых людей в рамках идеологии гуманизма, античные традиции организации и проведения мероприятий, подобных на балы, могли «возродиться» в XIVв., но в новой форме.

Слово «маскарад» происходит от итальянского «*mascarata*», которое, в свою очередь, восходит к арабскому «*маскара*», что означает «шутка, насмешка». Истоки маскарадов можно найти в древнеримских сатурналиях, которые проводились в декабре. Эта античная традиция закрепилась за маскарадом, проводимым во время карнавалов³, носивших развлекательный характер [10, с. 291-292, 32; 16, с. 215; 2, с. 286; 8, с. 157]. Следует отметить, что маскарады получили популярность не только у представителей городского сословия во время проведения карнавалов, но и в придворной среде. Характерными особенностями маскарада является наличие у его участников маскарадного костюма и маски, посвящение определенному религиозному празднику или др. торжественному событию, массовость, социальные контрасты и весьма раскрепощенный характер, на чем акцентировали внимание современники. Дело в том, что маскирование ставило рязеных вне общепринятых норм и запретов. Однако, как указывает А.И. Мазаев, поведение участников карнавала не было подлинно свободным. В основе «свободных нравов» лежала заданная традицией и узаконенная обществом норма праздничных отношений, а сам карнавал служил

³Слово «карнавал» происходит от лат. «*carrusnavalis*», т.е. повозки в виде корабля, которую использовали во время праздников-шествий [2, с. 286].

механизмом равновесия, фактором регуляции общественных отношений, выполняя тем самым компенсаторно-регуляционную функцию для участников мероприятия. Известно, что церковь негативно относилась к подобным развлечениям, но видела в них форму социальной разрядки, преодоления сословных противоречий [12, с. 123-125]. В рыцарской среде, по мнению В.П. Даркевича, идея маски иная: она теряет магические функции, которые предопределялись влиянием аграрных игр, и входит в систему куртуазных увеселений. Учитывая эту особенность, В.П. Даркевич предполагает, что происхождение придворных костюмированных балов (маскарадов) – результат постепенной трансформации народных ритуалов [14, с. 198; 5, с. 104, 106]. Возможно, придворные круги восприняли древние народные традиции, но внесли в них воспитательный и эстетический компонент.

Таким образом, под влиянием античных традиций и/или социальных и ментальных изменений XII-XIV вв., в Западной Европе формируются формы развлечений средневекового общества – бал и маскарад, которые к XV в. становятся главными разновидностями праздника в придворной (наряду с турнирами и охотами) и городской среде. Балы и маскарады носили не только развлекательный и рекреационный характер, но и являлись местом демонстрации социального статуса, танцевального мастерства и модных тенденций, социализации личности, установления матримониальных связей, межличностной и межкультурной коммуникации, т.е. выполняли в средневековом обществе ряд важных социальных функций [1, с. 31, 43; 10, с. 25; 4, с. 239, 256-257; 8, с. 153-155].

Список литературы

1. Бокаччо, Дж. Декамерон. День восьмой. 7 // Итальянская новелла Возрождения / Пер. с ит. / [Сост., вступит. статья и примеч. Н. Томашевского]. – Минск: Маст. літ., 1985. – 319 с.
2. Буркхардт, Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. – Москва: Интрада, 2001. – 543 с.
3. Гуманизм // Средневековый мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справ. / Науч. ред. В.А. Федосик, Е.Д. Смирнова; Сост. Е.Д. Смирнова. – Минск: Беларусь, 1999. – С. 106-107.
4. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Искусство, 1984. – 350 с.
5. Даркевич, В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX-XVI вв. – Москва: Наука, 1988. – 344 с., ил.
6. Делуэмо, Ж. Цивилизация Возрождения / Пер. с франц. И. Эльфонд. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 720 с. – (Серия «Великие цивилизации»).

7. Дюби, Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции в XIII в. // Одиссей. Человек в истории. – 1990. – С. 90-96.
8. Жигульский, К. Праздник и культура / Пер с пол. – Москва: Прогресс, 1985. – 336 с.
9. Иванов, К.А. Многоликое средневековье. – Москва: Алетейа, 1996. – 432 с., ил. – (Vitamemoriae).
10. Компан, Ш. Танцевальный словарь, содержащий в себе историю, правила и основания танцевального искусства с критическими размышлениями и любопытными анекдотами, относящимися к древним и новым танцам / Пер. с франц. – Москва: В тип. В. Окорокова, 1790. – 477 с.
11. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с франц. / Общ.ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. – Москва: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
12. Мазаев, А.И. Праздник как социально-художественное явление. – Москва: Наука, 1978. – 391 с.
13. Смірнова, А.Д. Сярэдневяковае рыцарства: лад жыцця і сістэма каштоўнасцей // Беларус. гіст. часоп. – 2011. – №12. – С. 32-41., іл.
14. Фукс, Э. История нравов / Пер. с нем. В.М. Фриче. – Смоленск: Русич, 2007. – 624 с., ил. – (Популярная историческая библиотека).
15. Хейзинга, Й. Осень Средневековья / Пер. с нидерланд. Д.В. Сильвестрова. – 3-е изд., испр. – Москва: Айрис-пресс, 2002. – 544 с.: вклейка 8 с. – (Библиотека истории и культуры).
16. Desrat, G. Dictionnaire de la danse: historique, theorique, pratique et bibliographique: depuis l'origine de la danse jusqu'a nos jours / par G. Desrat; avec preface de Ch. Nutter Librairies-imprimeries reunies. – Paris, 1895. – 484 s.